

18+

# ДОМ

---

Артём Курочкин



# Куручкин Артём

## Дом

*<https://litres.ru/74152768>*

*ISBN 9785007016254*

### Аннотация

В ноябре, в день, когда ему выплачивают квартальную премию, тридцатисемилетний Артём Курочкин вдруг понимает: он восемь лет работает не на свою жизнь. «Дом» — роман о человеке, который пытается построить программу, помнящую людей, и в процессе впервые по-настоящему вспоминает свою собственную жизнь: двор на Дыбенко, мать, ждущую его у подъезда уже пять лет. Это книга о Петербурге, о трёх поколениях одной семьи и о том, что дом — это не место, а состояние, в котором всё на месте.

# Содержание

АРТЁМ КУРОЧКИН	5
ДОМ	5
роман	6
СОДЕРЖАНИЕ	6
Глава 1	7
Премия	7
Глава 2	14
Васильевский	14
Глава 3	27
Маяк	27
Глава 4	40
Воскресенье	40
Глава 5	56
Неделя	56
Глава 6	74
Большая Морская	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Дом**

**Куручкин Артём**

© Куручкин Артём, 2026

ISBN 978-5-0070-1625-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**АРТЁМ КУРОЧКИН**

**ДОМ**

**роман  
2026**

**СОДЕРЖАНИЕ**

# Глава 1

## Премия

Артём вышел из переговорной последним. В коридоре уже стоял запах — тот особенный пятничный запах большого офиса в день закрытия квартала: смесь кофе из одноразовых стаканчиков, духов финансового отдела и едва уловимого облегчения. Все улыбались чуть громче, чем обычно.

— Артём Сергеич, поздравляем!

Он кивнул, не запомнив, кто это сказал. Премия пришла на карту ещё час назад, во время финальной презентации, — он почувствовал вибрацию телефона в нагрудном кармане и не достал его, просто скосил глаза на цифру, когда генеральный говорил про «вклад команды абонентского блока». Двести восемьдесят семь тысяч. Чужие достижения, его подпись, его карта.

— Сегодня у Боярина — за наш счёт! — крикнул кто-то у лифта.

— Догоню, — сказал Артём.

Он зашёл в свой кабинет, закрыл дверь и сел. Кабинет был угловой — повышение позапрошлого года. Из окна открывался вид на Ладожский вокзал и кусок Заневского проспекта, уже расцветившийся вечерней рекламой. «Сигма Те-

леком — связь, которой доверяют пятнадцать миллионов». Билборд был его проекта. Он видел его каждый день.

На столе зажужжал телефон.

«Сын, поздравляю! Видела в новостях про вашу компанию. Ты молодец. Целую.»

Мама. Она всегда писала «целую» — отдельной строчкой, как телеграмму. Артём улыбнулся и набрал ответ: «Спасибо, мам. Завтра заеду.» Потом подумал, удалил «Спасибо, мам» и оставил просто «Завтра заеду, ма. Целую.» Отправил.

В Боярине было шумно. Он пришёл, когда коллеги уже разлили по второй. Игорь, начальник, сидел во главе длинного стола и что-то рассказывал, размахивая вилкой. Увидев Артёма, поднял бокал:

— А вот и герой квартала! Артём, иди сюда, тут место держим.

Артём сел. Перед ним появился бокал виски — он не заказывал, кто-то уже позаботился. Он пил молча, слушал, кивал. Лена из маркетинга рассказывала про то, как её сын пошёл в первый класс, кто-то спорил про санкции, Игорь травил байку про корпоратив 2014 года, которую Артём слышал минимум четыре раза. На третьем заходе байка обрастала всё новыми подробностями.

— Артём, ты чего как не родной, — Игорь придвинулся, обдав запахом виски и трюфельного масла. — Премия же хорошая. Чего грустный?

— Не грустный. Устал.

— А-а-а. — Игорь покивал понимающе. — Жена скоро рожает, я помню. Сам через это прошёл, два раза. Слушай. — Он понизил голос. — Зайди ко мне в понедельник к десяти. Есть разговор. Хороший.

— Какой?

— В понедельник. Не порти себе вечер.

Игорь подмигнул и отвернулся к Лене. Артём допил виски и посмотрел в окно. На улице шёл мелкий ноябрьский дождь, такой, что вроде и не дождь, а просто воздух стал мокрым. По стеклу ползли отражения фар.

В одиннадцать он засобирался. Все уже были в той стадии, когда никто не замечает, кто остался, а кто ушёл. Он вышел на Заневский, поднял воротник пальто и пошёл к такси, которое уже ждало на углу.

— На Дыбенко, — сказал он водителю. — Евдокимова.

Водитель молча тронулся. Машина пошла по Заневскому, потом через мост, и Артём смотрел в окно на чёрную воду, на огни на той стороне, на редких прохожих под зонтами. Питер в ноябре был его городом — больше, чем летний, открытый, фестивальныи. Этот, мокрый и тяжёлый, был настоящийи.

Зазвонил телефон. Денис.

— Старый, ты где?

— Еду домой.

— Домой? Серьёзно? У тебя премия. У меня бар. Это математически несовместимо с «домой».

— Дэн, я завтра.

— Завтра ты будешь жалеть. Ладно. Один вопрос. — Денис сделал паузу, слышно было, как у него на фоне играет какой-то старый рок. — Ты эту штуку свою сделал?

— Какую штуку?

— Не строй идиота. Бот свой. Помощник. Ты мне про него два года рассказываешь.

— Денис, я устал.

— Я тебе третий год говорю одно и то же. Ты талантливый. У тебя голова работает. Но ты сидишь в своём аквариуме и считаешь, что это океан. Ладно. Спокойной ночи. Передай Кате привет.

Денис положил трубку.

Артём положил телефон в карман и закрыл глаза. Машина шла по Заневскому, и он чувствовал каждый стык асфальта, каждое торможение. Бот. Денис не отстанет. Денис никогда не отстаёт.

Дома было тихо. Катя уснула на диване в гостиной, под пледом, с открытой книгой на животе. Книга называлась «Что ожидать, когда ждёшь ребёнка». Он осторожно вытащил её, заложил салфеткой страницу и посмотрел на жену.

Под пледом был виден живот — уже большой, заметный. Пятый месяц. Катя дышала ровно и глубоко, чуть приоткрыв рот, и Артём подумал, что она красивая именно сейчас — не на свадебных фотографиях, не в платье с открытой спиной, а вот так, во сне, без макияжа, со складкой подушки на щеке.

Он наклонился и поцеловал её в висок. Она, не просыпаясь, пробормотала что-то и повернулась на бок.

На кухне он налил себе воды, постоял у окна. Двор был пустой, только собачник в дальнем углу выгуливал какого-то мелкого пса, который никак не хотел идти. Артём смотрел на них, пока пёс наконец не сдался и не пошёл за хозяином.

Потом он сел за ноутбук в кабинете.

Открыл документ. Документ назывался просто — «Идеи». Он завёл его три года назад. В нём было сорок семь записей. Большинство — короткие, в одну-две строки, обрывы мыслей, набросанные ночью или в обеденный перерыв. «Сервис подбора нянь по характеру». «Приложение для бега, которое подстраивается под настроение». «Бот, который помнит». Эта последняя запись была от мая прошлого года. Он помнил, как её писал — в командировке в Новосибирске, в номере отеля, в три часа ночи, не мог уснуть из-за разницы во времени.

Он пролистал документ до конца. Курсор моргал на пустой строке. Он подвёл его к записи про бота, выделил, нажал Ctrl+C, открыл новый документ и вставил.

«Бот, который помнит».

Долго смотрел на эти три слова.

Потом начал писать.

«Все ИИ-помощники забывают тебя после каждой сессии. Они дают советы вслепую — не зная, кто ты, что ты делал вчера, к чему ты пришёл за последний год. Я хочу сделать

ИИ-агента, который помнит весь контекст жизни пользователя. Который видит, как человек принимает решения и какие из них работают. Который со временем начинает знать пользователя так, как его знает старый друг.»

Он остановился. Перечитал. Удалил последнее предложение — «как его знает старый друг» — и переписал: «лучше, чем человек знает себя сам».

Зазвонил телефон. Снова. На экране было «Мама».

— Сын, не спишь?

— Не сплю. У тебя всё в порядке?

— Всё в порядке. Я просто... — Она помолчала. — Я сегодня вечером сидела, пересматривала фотографии. И поняла, что сегодня двадцать лет.

— Что двадцать лет?

— Как мы уехали. Двадцать лет назад, восьмого ноября, мы сели в машину и поехали. Помнишь?

Артём смотрел в монитор, на свой текст. Курсор моргал в конце последнего предложения. *Лучше, чем человек знает себя сам.*

— Помню, мам, — сказал он. — Конечно, помню.

Они поговорили ещё пару минут, ни о чём, и попрощались. Он положил телефон на стол экраном вниз.

На полке над столом, среди книг и пары рамок с фотографиями, стоял маленький, потускневший от времени оловянный солдатик. Артём посмотрел на него.

Потом снова посмотрел в монитор.

Подвёл курсор к началу документа и в строке заголовка напечатал:

«Проект. Рабочее название — Мнемо.»

Сохранил файл. Закрыв ноутбук. Встал, выключил свет в кабинете и пошёл в спальню. По дороге заглянул в гостиную — Катя всё так же спала на диване. Он подумал, что надо бы её разбудить и отправить в кровать, но не стал. Просто постоял в дверях, посмотрел на неё.

В понедельник у него разговор с Игорем.

В понедельник, подумал он, всё будет по-другому.

## Глава 2

### Васильевский

Двор был квадратный, и в нём играли в квадрат.

Это была одна из тех закономерностей, которые в десять лет кажутся естественными, как смена дня и ночи: у двора на Евдокимова была форма квадрата, и старшие пацаны давным-давно расчертили мелом на асфальте линии, и всё лето мяч стучал между этими линиями, и каждый, кто выходил во двор, был втянут в этот стук помимо своей воли.

Артём вышел во двор в субботу, после обеда. Мама велела вернуться к шести — она пекла пирог с капустой к приезду тёти Веры, и пирог должны были есть всей семьёй, и опаздывать было нельзя. Часов у Артёма не было. Часы были у Серого — большой пластмассовый «Электроника», подарок отца за окончание восьмого класса. Серый был в углу двора и о чём-то спорил с Колей-Конопатым.

— Артём! — крикнул Серый, увидев его. — Иди сюда, нас не хватает.

Артём подошёл. Колян кивнул, как кивают уважаемому, но младшему. Это было приятно. Артёма приняли в дворовую иерархию ещё прошлым летом, после того как он не наядничал родителям, когда Серый случайно разбил окно у

Мальшевых. Это был его пропуск, и он его берёт.

— Будем играть в три квадрата, — сказал Серый. — Ты, я, Колян, и Леха придёт. Лёшка! — крикнул он в сторону подъезда. — Иди уже, сколько можно!

Из подъезда вышел Лёшка, доедая что-то на ходу. У Лёшки всегда было что-то в руке — сушка, хлеб с сахаром, кусок сала на чёрном хлебе. Лёшка считал, что человек должен есть всегда, и в десять лет никто с этим не спорил.

Расчертили линии. Бросили жребий. Артёму выпало стоять в первом квадрате — лучший расклад: можно дольше всего держаться, прежде чем тебя выбьют. Серый встал во второй, Колян в третий, Лёшка в четвёртый — Лёшку всегда выбивали первым, потому что он не мог сосредоточиться, пока ел.

Мяч был старый, кожаный, тяжёлый после дождей. Серый подбросил его, и игра началась.

Артём поймал первый удар — мяч ушёл вбок, в сторону квадрата Коляна, и Колян не успел. Серый засмеялся.

— Молодец, — сказал он. — Так и надо.

В третьем подъезде на третьем этаже было окно. В этом окне иногда появлялась Лена. Лена училась на класс старше, у неё были две косы и веснушки на носу, и она никогда ни с кем во дворе не играла — только смотрела. Артём, играя, всё время держал краем глаза это окно. В этот раз окно было пустое. Но он всё равно играл хорошо, на всякий случай.

— Артееееееём!

Голос мамы прорезал двор от пятого этажа. Артём поднял голову. Мама стояла у открытого окна, в халате, с поварёшкой в руке. На фоне неё угадывалась кухня — занавеска в мелкий цветочек, край холодильника.

— Артём, домой, через двадцать минут!

— Ма, ну ещё немножко!

— Я сказала, через двадцать минут! Тётя Вера уже едет!

Мама ушла в окно. Серый посмотрел на Артёма.

— Двадцать минут, — сказал он. — Ладно. Доиграем.

Они доиграли. Артёма выбили предпоследним — раньше Серого, но позже всех остальных. Это был достойный результат. Когда он шёл домой, асфальт был тёплый, и в воздухе пахло мокрой пылью — днём прошёл короткий дождь, а потом снова вышло солнце, и теперь от земли шёл запах, который Артём не умел назвать, но который означал лето.

В подъезде пахло варёной картошкой. На каком-то из этажей — Артём не знал, на каком, — кто-то всегда варил картошку, и подъезд жил в этом запахе постоянно, как корабль живёт в запахе моря. На лестнице у второго этажа Артём встретил Аллу Борисовну с третьего, она несла мусорное ведро.

— Здравсьте, Алла Борисовна.

— Здравствуй, Артёмушка. Маме привет.

В квартире пахло пирогом. Мама на кухне стояла над духовкой, спиной к двери, в халате, с волосами, собранными на затылке. Артём подошёл сзади и обнял её за пояс. Мама

засмеялась — от щекотки.

— Иди мой руки. Тётя Вера через час будет.

— Бабушка приедет?

Мама на секунду замерла. Потом обернулась и улыбнулась — той улыбкой, которая у мамы появлялась последние два месяца, и которую Артём не научился ещё читать. В этой улыбке было что-то ускользающее, что-то, чего там раньше не было.

— Бабушка не приедет, сынок. Бабушка же...

— Я помню.

— Помнишь?

— Помню.

Бабушка умерла в марте. Сейчас был июнь. Артём помнил. Просто иногда забывал — на секунду, как сейчас, — и сразу же вспоминал, и всякий раз это было как маленький удар под ложечку, тихий и быстрый.

— Иди мой руки, — повторила мама и снова отвернулась к духовке.

\* \* \*

Бабушка жила на Васильевском, на Восьмой линии. Это была старая квартира в старом доме — с высокими потолками, с лепниной по углам, с окнами, выходившими во двор-колодец. К бабушке ездили по воскресеньям. Это была традиция, которую завели ещё до рождения Артёма, и которая прекратилась только в марте.

До марта они ездили каждое воскресенье. С Дыбенко —

на оранжевую ветку, через «Площадь Александра Невского», потом пересадка на зелёную, и до «Василеостровской». Артём знал этот маршрут наизусть, как знают молитву.

На эскалаторе он считал лампы. В каждом лестничном пролёте в потолке шли длинные люминесцентные лампы, одна за другой, и они отъезжали назад вместе с потолком. Артём считал. Иногда ему попадалось чётное число, иногда нечётное. Чётное — это было хорошо: значит, день будет удачный. Нечётное — не плохо, а просто никак, нейтрально. Зимой у «Площади Восстания» эскалатор был самый длинный, и там однажды Артём насчитал сорок восемь — чётное и круглое, два раза по двадцать четыре, что-то очень особенное, и в тот день у бабушки была шарлотка с яблоками, и Артём съел три куска.

Метро 90-х пахло деревом. Не свежим, не пиленным — а нагретым, старым, прокуренным деревом вагонов, которое за десятилетия впитало в себя весь подземный воздух. К этому запаху примешивался запах креозота от шпал и запах горелой пыли от вагонных моторов. Артём, став взрослым, не раз пытался описать этот запах, но описать его было нельзя — его можно было только узнать. Он входил в человека через ноздри, и этот человек становился жителем города.

Бабушка открывала дверь, не дожидаясь звонка. Она слышала их шаги в подъезде через два этажа.

— Маришенька, — говорила она маме. И обнимала её. — Артёмушка, — говорила она ему. И не обнимала, а клала

большую сухую ладонь ему на голову, и держала эту ладонь несколько секунд, и в эти секунды Артём чувствовал себя кем-то очень важным.

В большой комнате у бабушки стоял телевизор «Рубин». Старый, ламповый, с круглыми ручками. Бабушка не любила его и почти не смотрела, но когда он работал, она комментировала. Особенно — рекламу.

В тот воскресный день — последний воскресный день, как окажется потом, — по телевизору шла реклама духов. Какая-то иностранная, импортная, с длинной женщиной в платье цвета слоновой кости, которая медленно поднималась по мраморной лестнице, и за её спиной стояла белая полуобнажённая фигура в позе стояния.

— Глянь, Артёмушка, — сказала бабушка, кивая на экран. — Статуя какой.

Артём посмотрел. Статуя на экране стоял неподвижно, и женщина прошла мимо него, и реклама закончилась.

— Ага, — сказал Артём.

Бабушка засмеялась. Она смеялась всегда так, словно что-то вспомнила про себя и не собиралась этим делиться.

В тот день она дала ему пирог с яблоками и стакан компота. И сказала маме что-то, что Артём не запомнил — какие-то взрослые слова, которые проходили мимо детских ушей. Потом они уехали. Бабушка стояла в дверях, держась одной рукой за косяк, и махала им, пока они шли к лифту. Артём оборачивался два раза. На втором обороте бабушка

ему подмигнула.

\* \* \*

Через две недели после этого бабушке стало плохо. Через три — она легла. Через два месяца — её не стало.

Похороны Артём почти не помнил. В памяти осталось только, что было очень холодно — март в тот год выдался жёсткий, с ледяным ветром, — и что мама в чёрном платке казалась маленькой, как девочка. И что отец один раз положил ей руку на плечо, и она сразу же её сняла, и Артём этого не понял.

Они вернулись с кладбища домой — в свою квартиру на Евдокимова, не на Васильевский. На Васильевский поехали только два дня спустя, когда надо было что-то делать с бабушкиными вещами. Мама сидела на кухне у бабушки и не могла встать. Отец молча поставил перед ней чашку чая. Она долго смотрела на эту чашку, а потом сказала:

— Лёша. Я не справлюсь.

— Справишься, — сказал отец.

— Я не справлюсь, Лёша.

Артём в это время стоял в коридоре и смотрел в большое зеркало в прихожей — старое, с пятнами по углам. В зеркале был мальчик в свитере, которого он не сразу узнал.

\* \* \*

Алим появился в их жизни в апреле.

Артём помнил тот день, когда отец привёл его впервые. Это было воскресенье, и обычно по воскресеньям у них ни-

кого не бывало — после смерти бабушки воскресенья стали пустыми, мама не хотела никого видеть, и отец ходил по дому тихо, как по больнице. Но в то воскресенье отец сказал — будет гость. Знакомый. Хороший человек.

Алим был высокий, смуглый, с густыми чёрными бровями и широкой улыбкой. Он принёс торт «Птичье молоко» в коробке и бутылку коньяка. Маме он поцеловал руку. Артёму — протянул шоколадку «Алёнку» и сказал:

— Держи, племянник. Растёшь?

Артём кивнул. Шоколадка была тёплая, нагретая в кармане Алима.

За столом Алим много говорил. Он говорил про свадьбу — у него летом была свадьба, он женился на девушке из Баку, и они должны были праздновать там, на родине. Он говорил, что родина — это всё, что родину нельзя забывать, что без родины человек никто. Отец слушал и кивал. Мама улыбалась, но Артём, который уже научился читать мамины улыбки, видел, что эта улыбка была вежливая.

После обеда Алим и отец ушли в кабинет — пить коньяк и разговаривать. Артём остался на кухне с мамой. Мама мыла посуду молча. В какой-то момент она остановилась, посмотрела в окно — за окном было серо, апрельский питерский день, небо как мокрая газета — и сказала, ни к кому не обращаясь:

— Лёшке нужен друг. Я понимаю.

Потом она снова стала мыть посуду.

\* \* \*

Дальше всё произошло быстро. Артём не понимал, что именно произошло — только видел, что происходит.

В мае отец перестал ходить на завод. Завод закрыли — это Артём знал, об этом говорили в школе, у многих отцы там работали. Но отец не искал новую работу. Отец сидел дома и часто и долго разговаривал с Алимом по телефону, а потом куда-то уезжал и возвращался поздно.

В июне они начали показывать квартиру каким-то людям. Люди приходили парами, ходили по комнатам, заглядывали в кухню, о чём-то спрашивали отца, потом уходили. Мама в эти дни уходила гулять, чтобы не видеть. Артёма брала с собой. Они ходили по бульвару Красных Зорь, и мама держала его за руку, и говорила мало.

В июле Артём окончил пятый класс. Тетрадь с пятёрками за год лежала у него в ящике стола. Учительница Татьяна Сергеевна на последнем классном часе сказала: «Артём — гордость класса, желаю тебе хорошего лета». В конце августа она узнает, что он не вернётся.

В августе отец принёс домой большую сумку. Спортивная сумка, чёрная, на молнии. Положил её в шкаф в спальне. Артём заглянул туда вечером, когда родителей не было в комнате, и увидел внутри — деньги. Очень много денег. Доллары, пачки, перетянутые резинками. Артём никогда не видел столько денег. Он смотрел минуту, потом закрыл сумку и закрыл шкаф, и больше об этой сумке никому никогда

не сказал.

Через два дня сумка из шкафа исчезла.

\* \* \*

Они уехали восьмого ноября. Это был хмурый, мокрый день, с тем же мелким питерским дождём, который через двадцать лет будет идти в день, когда Артёму выплатят премию.

Отец грузил вещи в машину один. Машина была чужая — арендованный «уазик», с водителем, который сидел в кабине и курил, не выходя. Мама стояла у подъезда, в пальто, с сумкой в руке. Лицо у неё было неподвижное.

Артём вышел из квартиры последним. Он прошёл по комнатам — по своей, по родительской, по большой, — и каждая комната была пустая, и в каждой было эхо. На стенах остались светлые прямоугольники там, где висели картины. На полу — следы от мебели. Артём постоял в своей комнате и посмотрел в окно. Из окна был виден двор. Во дворе никого не было — был ноябрь, и дождь, и никто не играл в квадрат. Мел давно смыло.

В прихожей он надел куртку. Закрыв дверь. Ключ положил в карман — не от своей привычки, а потому что мама забыла его взять у него, и он не знал, что с ним делать.

В машине он сел сзади, у окна. Отец сел спереди, рядом с водителем. Мама — рядом с Артёмом. Машина тронулась.

Артём оглядывался. Он смотрел, как уезжает их подъезд, потом их двор, потом их дом целиком. На третьем этаже в

окне он увидел Лену. Она смотрела вниз, на машину. Они встретились взглядами — на одну секунду, не больше. Артём не помахал. Лена тоже не помахала.

Машина свернула за угол, и дом пропал.

Дальше Артём не смотрел в окно. Он смотрел в пол машины, на резиновый коврик, на котором была нарисована стрелка и какие-то буквы. Мама рядом с ним молчала. В какой-то момент он почувствовал, что она положила руку ему на колено — большую тёплую руку, — и эта рука лежала на его колене долго, очень долго, всю дорогу до выезда из города, и потом ещё. Он не двигался, чтобы не сбросить эту руку. Он сидел и смотрел на коврик, и считал буквы на нём.

Букв было четыре.

Чётное.

\* \* \*

Псков встретил их вечером. Они приехали уже в темноте, и Артём почти ничего не видел — только редкие фонари вдоль дороги, и потом какие-то пятиэтажки, похожие на питерские, но не такие, чужие, неправильные.

Квартира была на четвёртом этаже. Отец нёс сумки, тяжело дыша. Мама шла за ним. Артём шёл последним.

На лестничной клетке между третьим и четвёртым этажом он увидел солдата.

Маленький, оловянный, с высоким кивером и со штыком. Он лежал у стены, у края ступеньки, как будто кто-то его обронил и не заметил. Краска на солдате была облуплена.

Один глаз стёрт. Штык был погнут — кто-то когда-то пытался его выпрямить.

Артём остановился. Он наклонился и поднял солдатика. Тот был холодный и неожиданно тяжёлый — не как пластмассовый, а настоящий, с весом.

— Артём, иди! — крикнула мама с верхнего пролёта.

Артём положил солдатика в карман куртки. Он почувствовал, как тот скатился вниз и лёг рядом с ключом от той — от другой — квартиры.

Ключ и солдатик. Один из прошлой жизни. Один из новой.

Артём поднялся на четвёртый этаж.

\* \* \*

В ту ночь он лежал в новой комнате на новой кровати и не мог уснуть. Кровать была раскладная, родительская — старая, привезённая из бабушкиной квартиры на Васильевском. Простыни пахли чужим стиральным порошком. В углу комнаты стояли коробки — нераспакованные, перетянутые скотчем.

Из соседней комнаты доносились голоса. Тихие. Мама что-то говорила отцу — длинно, монотонно, без интонаций. Отец молчал. Иногда отвечал коротко — Артём не разбирал слов, только звук.

Артём лежал на спине и смотрел в потолок. Потолок был чужой — без той трещины, к которой он привык в питерской комнате. Он сунул руку под подушку и нащупал солдатика.

Достал, посмотрел в темноте — глаз не различал детали, но рука помнила форму.

Где-то за стеной соседи смотрели телевизор. Шла какая-то реклама. Артём не видел её, но слышал — звук пробивался через стену, нечёткий, с комментариями диктора.

Он закрыл глаза и представил, что бабушка сейчас сидит рядом с ним, в этой чужой комнате, в этом чужом городе, на краю его кровати. Она смотрит на телевизор за стеной — хотя телевизор не виден, она его всё равно видит, потому что это бабушка. Она кивает на стену и говорит:

— Глянь, Артёмушка. Статуй какой.

Артём улыбнулся в темноте.

И заснул, держа солдатика в кулаке.

# Глава 3

## Маяк

Бар назывался «Маяк», и в нём не было ни одного маяка.

Он стоял на Рубинштейна, в полуподвале старого доходного дома, между двумя другими барами, которые стояли там же, в полуподвалах своих доходных домов. Рубинштейна была улицей баров. К одиннадцати вечера в субботу она наполнялась людьми, которые ходили из бара в бар по схеме, понятной только им самим, и каждый раз эти схемы были разные.

Артём спустился по лестнице и толкнул тяжёлую дверь. На него обрушился звук — рок-музыка, голоса, смех, звон стаканов, кто-то выкрикивал тост. Всё это вместе складывалось в общий гул, в котором уже не было отдельных слов, а был просто звуковой фон субботней ночи.

Денис сидел в углу, за маленьким столиком у кирпичной стены. Перед ним стояла тарелка с тремя оливками, на которые он смотрел так, словно они его лично оскорбили, и стакан виски, в котором лёд почти растаял.

— Ты пришёл, — сказал Денис, не поднимая головы. — Я уже не верил.

— Я обещал.

— Ты обещал в одиннадцать. Сейчас одиннадцать сорок.

— Дэн.

— Я не упрекаю. Я констатирую. — Денис наконец поднял глаза. — Садись. Тебе виски?

— Нет. Чай.

— Чай?

— Чай.

Денис посмотрел на Артёма долгим взглядом, как будто пытался понять, не шутка ли. Потом махнул рукой официанту — высокому парню с полотенцем через плечо.

— Ему чай. Мне ещё то же самое. И принеси хумус, я голодный.

Официант кивнул и ушёл.

Денис откинулся на спинку стула. Он был в рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу, с закатанными рукавами. На правом запястье — часы, но не дорогие. Не такие, какие Денис носил три года назад, когда у него было четыре точки в трёх торговых центрах. Те часы он, кажется, продал. Он не говорил, но Артём знал.

— Как Катя? — спросил Денис.

— Нормально. Спит сейчас.

— Сколько ей осталось?

— Четыре месяца с хвостиком. Декабрь, начало января.

— Мальчик, говорил?

— Мальчик.

— Как назовёте?

— Не решили.

— Артём Артёмович. — Денис улыбнулся. — Звучит как наследник престола.

— Не Артёмом.

— Почему?

— Просто.

Денис кивнул, как будто это «просто» было исчерпывающим объяснением. Может, и было. Между ними часто оставались вещи без объяснения — и это было одной из причин, почему Артём с ним дружил.

Принесли чай и виски. Артём обхватил кружку ладонями. Чай был горячий, и руки у него были холодные после улицы — он шёл от метро пешком, не торопясь, по мокрой Рубинштейна, и ладони успели застыть.

— Ну? — сказал Денис.

— Что «ну»?

— Премия.

— Премия пришла.

— Большая?

— Двести восемьдесят семь.

Денис присвистнул. Не уважительно, а скорее иронично.

— За что?

— За год работы абонентского блока. Подписки, удержание, прирост базы.

— Это ты сделал?

Артём помолчал.

— Это сделала команда, — сказал он. — Я её собирал.

— Я не спросил, кто исполнял. Я спросил — это ты сделал?

— Я её собирал, — повторил Артём.

Денис сделал глоток виски и поставил стакан так аккуратно, как будто стакан мог разбиться сам, без причины. Это была одна из его привычек — когда он злился или волновался, он становился очень аккуратен в движениях.

— Слушай, — сказал он. — Ты сейчас будешь злиться. Но я скажу.

— Скажи.

— Ты сейчас тридцать семь лет получаешь премии за то, что у тебя хорошо работает чужая система. У тебя в трудовой стоит «Сигма Телеком, руководитель направления». Через два года там будет стоять «Сигма Телеком, директор департамента». Через семь — «Сигма Телеком, вице-президент по абонентскому обслуживанию». Это очень хорошая, очень денежная и очень понятная карьера. И когда тебе будет шестьдесят пять, тебе вручат часы и диплом, и ты выйдешь на крыльцо, и обернёшься — и поймёшь, что всю жизнь работал в чужом доме. Чистил, прибирал, расставлял мебель. А свой так и не построил.

— Дэн.

— Я не закончил.

— Закончил. Ты это говорил уже четыре раза.

— Пять.

— Пять.

— И каждый раз ты делаешь вид, что слышишь меня в первый раз.

Денис допил виски. Поставил стакан. Посмотрел на Артёма, и в его взгляде что-то изменилось — он перестал быть саркастичным и стал просто усталым.

— Я закрыл «Пультовик» неделю назад, — сказал он. — Окончательно. Последняя точка в «Континенте».

Артём поднял глаза от чая.

— Когда?

— В понедельник. Я тебе не говорил. Не хотел.

— Дэн, мать твою.

— Не надо. — Денис поднял ладонь. — Не надо вот этого. Я не за сочувствием.

— Ты неделю молчал.

— Я молчал, потому что не хотел, чтобы ты делал вот это лицо. Видишь? Вот это самое лицо, которое ты сейчас сделал. Поэтому и молчал.

Артём положил руки на стол. Чай остывал.

«Пультовик» — это был его последний бизнес. Сеть точек по продаже мелкой электроники: пульты, зарядки, кабели, наушники, лампочки, батарейки, всё то, за чем человек не поедет на маркетплейс, потому что нужно сейчас. В лучшие годы у Дениса было одиннадцать точек по Питеру и области. Он называл это «империей мелочей» и шутил, что построил её на том, что у людей вечно теряются пульты от телевизо-

ров. Шутка работала десять лет.

Потом маркетплейсы научились доставлять за день. Потом за полдня. Потом вообще через приложение в соседнюю ячейку в подъезде. И «империя мелочей» начала рушиться — не сразу, не катастрофически, а медленно, точка за точкой. Денис закрывал их по одной, год за годом. «Континент» был последний.

— Что теперь? — спросил Артём.

— Не знаю. — Денис пожал плечами. — Думаю.

— Деньги есть?

— На полгода. Если не пить.

Он улыбнулся и налил себе ещё.

— Дэн, я тебе одолжу, если что.

— Не надо.

— Дэн.

— Артём, не надо. Я тебя люблю, но не надо. У меня есть гордость. Это последнее, что у меня осталось от империи.

Они помолчали. На стене над столом висела чёрно-белая фотография — какой-то старый Питер, трамвай на пустой улице, дама в шляпе с зонтиком. Артём смотрел на эту фотографию, чтобы не смотреть на Дениса.

— Ладно, — сказал Денис через минуту. И его голос изменился — снова стал быстрым, лёгким, дениским. — Ладно, хватит про меня. Возвращаемся к тебе. Бот.

— Денис.

— Бот, я сказал. Ты мне про него рассказываешь два года.

— Три.

— Тем хуже. Три года, Артём. Три года ты мне рассказываешь про то, как сделаешь ИИ-помощника, который помнит человека и учит его. И каждый раз, когда я спрашиваю — «Ты сделал?» — ты говоришь: «Я думаю». Тёма, я тебя умоляю, перестань думать. Думают коровы. Делай.

— У меня не было времени.

— Время — это самая большая ложь, которую люди говорят себе. — Денис ткнул пальцем в стол. — У всех одинаковое время. У Маска время. У дворника время. У тебя время. Разница не во времени. Разница в том, что одни в это время делают, а другие — рассказывают, чего бы они в это время сделали, если бы у них было время.

— Я его сделал, — сказал Артём.

Денис замер.

— Что?

— Я его сделал. Прототип. Кривой, но рабочий.

— Когда?

— Последние две недели. По ночам.

— Покажи.

— Сейчас?

— А когда. В среду?

Артём достал телефон. Открыл Telegram. Нашёл бота. Имя у бота было техническое — `mneto\_alpha\_bot`, без иконки, без описания. Передал телефон Денису.

Денис взял телефон. Минут пять он молчал — писал, чи-

тал, снова писал. Артём смотрел на его лицо. Денис шурился, потом улыбался, потом снова шурился. Один раз тихо засмеялся.

— Что? — спросил Артём.

— Я ему написал: «У меня закрылся бизнес, что мне делать?» Он спрашивает: «Можно я задам несколько вопросов, прежде чем советовать?» Артём, ты знаешь, что ни один консультант на свете не задаёт этот вопрос? Они все сразу советуют.

— Это потому, что я ему так велел.

— Это гениально.

— Это очевидно.

— Очевидное — это и есть гениальное, которое уже сделали. — Денис продолжал писать. — Слушай. Слушай, он меня сейчас спросил: «А что для тебя лично сейчас важнее — деньги или смысл?» Артём. Это не бот. Это какая-то...

— Это я ему дал такой характер.

— Я знаю, что ты ему дал. — Денис поднял голову. — В этом и фокус. Он говорит твоим голосом.

Они посмотрели друг на друга через стол.

— Слушай, — сказал Денис. — Я хочу его купить.

— Что?

— Я хочу купить его себе. Подписку. Доступ. Что у тебя есть. Сколько?

— Дэн, у меня нет никакой подписки. Это прототип. Это даже не продукт.

— Тогда давай так. — Денис достал кошелёк. Открыл. Вынул из него несколько купюр — не очень аккуратно, не пересчитывая. Положил на стол между ними. — Здесь, я думаю, тысяч сорок. Может, пятьдесят, не помню, я давно не считал. Это я тебе плачу за полгода.

— Денис.

— Не за «купить». Не за подписку. Я тебе плачу за то, чтобы ты к понедельнику уволился.

Артём смотрел на купюры на столе. Они лежали, не сдвинутые, просто лежали — пачка пятидесятичных, перетянутая резинкой. Старая привычка Дениса — он всегда носил наличные, ещё с ларёчных времён.

— Я не понимаю, — сказал Артём.

— Я тебе объясняю. — Денис говорил тихо, и из-за этой тишины каждое слово становилось тяжелее. — Ты не возьмёшь эти деньги, я знаю. Это не главное. Главное — что я их сейчас положил. Это для тебя. Это для того, чтобы ты понял: я в это верю. Я закрыл свой бизнес неделю назад. У меня осталось денег на полгода. И я готов отдать тебе пятьдесят тысяч прямо сейчас за то, что ты сделаешь то, о чём ты мне рассказываешь три года. Потому что я знаю, что ты это сделаешь. И знаю, что если ты этого не сделаешь сейчас — ты уже не сделаешь никогда. И через десять лет ты будешь сидеть в этом баре, со мной, и я снова буду тебе говорить «уйди», и ты снова будешь говорить «я думаю». Только тогда будет поздно.

Он замолчал. Купюры лежали на столе. На фоне играла какая-то старая песня — Артём не сразу узнал, потом понял, что это Цой. «Группа крови».

— Дэн, — сказал Артём.

— Что?

— Убери деньги.

— Не убери.

— Дэн, я тебя прошу.

— Возьми их и засунь себе в карман. Как взятку самому себе. — Денис улыбнулся. — Знаешь, говорят, чтобы изменить себя, надо себя удивить. Вот удивись.

Артём посмотрел на купюры. Потом на Дениса. Потом снова на купюры.

Потом, очень медленно, он взял их со стола и положил во внутренний карман пиджака.

Денис кивнул. Один раз. Без улыбки.

— Хороший мальчик, — сказал он. — А теперь рассказывай. Что у тебя есть, что у тебя нет, что нужно. Я слушаю.

\* \* \*

Они вышли из «Маяка» в начале третьего ночи.

Дождь перестал. Рубинштейна была мокрая и блестела под фонарями. Из соседнего бара кто-то пел — нестройно, с чувством, что-то русское, не разобрать. Мимо прошла компания — две девушки и парень, девушки громко смеялись, парень отставал на полшага и говорил по телефону.

Денис застёгивал куртку.

— Метро уже не работает, — сказал он. — Тебе такси?

— Я вызову.

— Хорошо.

Он не уходил. Стоял рядом, засунув руки в карманы, и смотрел на мокрый асфальт.

— Артём, — сказал он.

— Что?

— Я тебе сегодня сказал плохие вещи. Про то, что ты работаешь в чужом доме. Я не имел в виду, что ты неудачник.

— Я знаю.

— Я имел в виду, что ты талантливее, чем твоя жизнь. И мне это больно видеть.

Артём посмотрел на него. Денис выглядел маленьким на пустой ночной Рубинштейна — небольшой человек в куртке, с нечёсаной головой, с пятидневной щетиной, недавно потерявший своё дело. Не герой. Не циник. Просто друг.

— Дэн, — сказал Артём. — Спасибо тебе.

— За что?

— За всё. За сегодня. За три года. За десять лет.

Денис махнул рукой. Эту тему он не хотел.

— Иди уже, — сказал он. — Кате привет передай. И этому, как его, который пока без имени.

— Передам.

Артём пошёл к Невскому, ловить такси. Денис пошёл в другую сторону, к Загородному. На углу Артём обернулся. Денис тоже обернулся — они засмеялись одновременно, по-

тому что оба попались на одном и том же. Денис показал ему средний палец — дружелюбно, по-старому. Артём кивнул и пошёл дальше.

В кармане пиджака лежали пятьдесят тысяч рублей.

Он не собирался их тратить. Он собирался их хранить. Как Денис сказал — взятку самому себе.

\* \* \*

В такси, по дороге домой, он впервые за вечер достал телефон и открыл бота.

«Я ему написал», — вспомнил он слова Дениса. — «А что для тебя лично сейчас важнее — деньги или смысл?»

Артём набрал в чате:

«Скажи мне честно. Я готов?»

Бот ответил не сразу — задумался секунды на три. Потом написал:

«Прежде чем я отвечу, можно я уточню? Готов — к чему?»

Артём улыбнулся. Это был его собственный приём — никогда не отвечать на размытый вопрос, всегда уточнять. Он сам так учил бота. И теперь бот учил его обратно.

«К тому, чтобы уйти,» — написал он.

Бот подумал ещё секунды две.

«Я не знаю, готов ли ты. Но я знаю, что ты больше не можешь не уходить. Это разные вещи. Готовность — это вопрос навыков. Невозможность — это вопрос времени. Время у тебя кончилось. Так что вопрос неправильный.»

Артём долго смотрел на этот ответ.

Такси проехало по мосту. Чёрная вода Невы. Огни на той стороне. Где-то за рекой — Васильевский, где когда-то жила бабушка, где сейчас живут чужие люди в её квартире. Где-то впереди — Дыбенко, и Катя, и сын, который через четыре месяца появится на свет.

Артём положил телефон во внутренний карман пиджака. Рядом с пятьюдесятью тысячами.

В понедельник у него разговор с Игорем.

В понедельник, подумал он, всё будет совсем по-другому, чем он думал ещё вчера.

# Глава 4

## Воскресенье

Артём вернулся домой в половине четвёртого утра.

Такси высадило его у подъезда. Двор был пустой, как всегда, бывает зимой в это время — даже собачники уже спят, и только в одном из окон на пятом этаже горит свет, у того старика с третьего парадного, который, говорят, не спит вообще. Артём поднял голову, посмотрел на это окно. Старик стоял за тюлем — силуэт, неподвижный. Артём подумал — может, не спит уже двадцать лет.

В лифте он достал из внутреннего кармана пачку купюр и переложил в задний карман брюк. Зачем — сам не понял. Может, чтобы Катя не нащупала, если обнимет.

Дверь он открыл тихо. В прихожей горел маленький ночник — Катя оставляла его, когда он задерживался. В квартире пахло пирогом — тем самым, с яблоками, который Катя пекла вечером, пока он ехал на встречу с Денисом. Артём снял ботинки, поставил их аккуратно у стены.

Из кухни послышался голос:

— Тёма?

Он вздрогнул. Не от испуга — от того, что не ожидал. Подумал, что она спит.

— Я, — сказал он.

Прошёл на кухню. Катя сидела за столом, в халате поверх ночнушки, с кружкой чая. Перед ней лежала открытая книга — та же самая, «Что ожидать, когда ждёшь ребёнка», заложённая салфеткой на той же странице, что и вчера.

— Ты не спишь, — сказал Артём.

— Не сплю.

— Почему?

— Малыш брыкался. — Она положила руку на живот. — А потом я уже не могла.

Артём подошёл, поцеловал её в макушку. Волосы у Кати пахли её шампунем — каким-то детским, мягким, она всю беременность пользовалась только им.

— Чай налить? — спросила она.

— Я сам.

Он налил себе чай, сел напротив. Несколько секунд они молчали. На стене тикали часы — старые, кухонные, с перепелом, который раз в час куковал. До следующего перепела было минут двадцать.

— Как Денис? — спросила Катя.

— Нормально.

— Ты долго.

— Я знаю. Прости. Заговорились.

Катя смотрела на него поверх кружки. У Кати был один взгляд — тот, который она использовала, когда хотела что-то понять про человека напротив. Это был не подозритель-

ный взгляд, не следовательский. Это был очень мягкий, внимательный взгляд, в котором было: *я тебя люблю, и я хочу понять*. И от этого взгляда было невозможно скрыть ничего.

— Тёма, — сказала она.

— Что?

— Что-то случилось?

Он подумал секунду. Подумал — соврать. Подумал — сказать. Подумал — отложить.

— Нет, — сказал он. — Просто Денис закрыл «Пультовик».

— Совсем?

— Совсем. Последняя точка.

— Господи. — Катя поставила кружку. — Как он?

— Держится. Шутит.

— Он всегда шутит.

— Да.

— Это не значит, что он в порядке.

— Я знаю.

Она посмотрела на него ещё секунду. Потом опустила глаза в кружку. Артём почувствовал, что она хотела спросить ещё что-то — и не спросила. Это было хуже, чем если бы спросила. В невысказанном вопросе всегда больше веса, чем в высказанном.

— Иди спать, — сказала она. — Утром поговорим.

— Кать.

— Что?

— Я тебя люблю.

Она улыбнулась — той своей улыбкой, в которой была усталость и нежность одновременно. И в которой, Артём это сейчас увидел, было что-то ещё, чего раньше не было. Что-то настороженное. Как у животного, которое почувствовало запах, который оно ещё не научилось распознавать.

— И я тебя, — сказала она. — Иди.

\* \* \*

Спал он плохо. Снилось что-то сумбурное — лестница, по которой он шёл наверх, и каждый пролёт был всё длиннее, и в конце был не этаж, а просто стена. Проснулся в десять. Катя уже встала — слышно было, как она ходит по кухне, и пахло кофе.

Он полежал минуту, глядя в потолок. Потом вспомнил — обещал маме приехать. Привезти пирог из «Севера».

Встал, побрился, оделся. Когда вышел в прихожую, Катя стояла в дверях кухни.

— Ты к маме?

— Да. Поедешь?

Она задумалась на секунду. У них была традиция — в воскресенье ездить к Валентине Васильевне вместе, если Катя хорошо себя чувствовала. Но в последний месяц ей стало тяжелее — пятый месяц, живот заметный, дорога длинная.

— Не сегодня, Тёмочка. Я устала.

— Хорошо. Ма передам, что ты обнимаешь.

— Привези мне эклеров, если будешь в «Севере».

— Привезу.

Он подошёл, обнял её. Она положила голову ему на плечо. Несколько секунд они стояли так — он чувствовал её тёплый живот, прижатый к нему сбоку, и думал, что внутри этого живота сейчас сын, и что сын, наверное, тоже что-то чувствует, какое-то движение, какое-то изменение мира.

— Тёма, — сказала Катя в плечо.

— Что?

— Ты вчера не такой пришёл.

Он замер. Подумал — что ответить.

— Какой? — спросил он.

— Не знаю. Просто не такой. — Она отстранилась, посмотрела ему в лицо. — Что-то у вас с Денисом случилось?

— Я тебе сказал. Он закрыл «Пультовик».

— И всё?

— И всё.

Она помолчала.

— Хорошо, — сказала она. — Привези эклеры.

\* \* \*

В «Севере» на Невском была очередь. Воскресенье, утро, зимний Питер, золотой свет в витринах — все хотят чего-то сладкого. Артём встал в хвост и стоял минут двадцать. Перед ним была старушка в пальто с воротником из песка — таком, какие носили ещё в семидесятых. Старушка купила одно безе и одну корзиночку, аккуратно положила в авоську и ушла, попрощавшись с продавщицей по имени.

Артём купил два пирога — один маме, один Кате передать про эклеры он забыл и купил вместо них — и медовик. Всё уложили в две картонные коробки, перевязанные ленточкой. С коробками в руках он спустился в метро.

На «Гостином дворе» была пересадка. На зелёную ветку, до Василеостровской. Артём ехал стоя, держась за поручень одной рукой, а коробки прижимая к боку другой. Вагон был новый, тихий, с мягкими сиденьями — не тот, в котором он ездил с мамой тридцать лет назад.

И всё же.

Где-то между «Гостинкой» и «Василеостровской» — в том самом месте, где раньше всегда, безотказно, его накрывал тот запах нагретого дерева, — Артём вдруг почувствовал его. Не наяву — вагон не пах ничем, кроме пластика и людей. А внутри. Где-то под рёбрами.

Он закрыл глаза на секунду.

Бабушка. Мама в зимнем пальто. Маленький Артём в новой куртке. Эскалатор на «Площади Александра Невского», лампы, которые он считает. И этот запах — креозот, и дерево, и пыль, и ещё что-то, чего нельзя назвать словом, можно только узнать.

Поезд подошёл к «Василеостровской». Артём открыл глаза и вышел.

\* \* \*

Валентина Васильевна жила на Седьмой линии, на третьем этаже старого дома. Дом был не такой старый, как ба-

бушкин на Восьмой, — построен в начале двадцатого века, доходный, но попроще. Артём снял ей эту квартиру три года назад, когда понял, что мама всерьёз хочет вернуться на Васильевский. Он предлагал и Гражданку, и Купчино, и даже соседний дом с ним на Дыбенко — но она тихо, без объяснений, сказала: на Васю.

Он не спорил.

Он позвонил в домофон. Мама открыла, не спрашивая, — она всегда знала, когда он подходит.

Поднимался пешком — лифта в доме не было. На третьем этаже, у её двери, он остановился и вытер лоб. Коробки с пирогом весили мало, но три этажа с непривычки давались тяжело — он давно не ходил пешком даже на свой шестой.

Дверь была приоткрыта. Артём толкнул её и вошёл.

— Мам?

— Я в кухне, сын.

Запах в маминой квартире был особенный — смесь её духов (всегда одни и те же, «Красная Москва», подаренные ей отцом ещё в Пскове, — она покупала их потом сама, всю жизнь), запаха старых книг (она собирала книги, у неё их была целая стена в большой комнате) и чего-то варёного, что в этот раз пахло как куриный бульон.

Артём прошёл на кухню. Валентина Васильевна стояла у плиты, спиной к нему. На ней был синий халат, поверх которого был передник в мелкую клетку. Седые волосы собраны на затылке.

Она обернулась. Улыбнулась.

— Ты привёз пирог?

— Привёз.

Он поставил коробки на стол. Подошёл, поцеловал её в обе щеки. От мамы пахло куриным бульоном и духами, и Артёму на секунду захотелось обнять её и не отпускать минуту, две, пять.

— Ну садись, — сказала она. — Расскажешь.

Он сел. Мама налила ему чаю в большую кружку — ту, с трещинкой по краю, которая ещё бабушкина была. Эту кружку мама привезла из Пскова, когда переезжала в Питер. Из всего, что было у бабушки в той квартире на Восьмой, осталась только эта кружка. Бог знает, как она сохранилась через все переезды.

— Как Катя?

— Нормально. Передавала тебе привет.

— И ты ей передай. Малыш брыкается?

— Брыкается.

— Это хорошо. Это значит сильный.

Она достала пирог из коробки, нарезала. Положила Артёму большой кусок на тарелку.

— Ма, я не голодный.

— Ешь. Я смотрю на тебя — ты худой какой-то стал. Что, на работе сильно много?

— Работа как работа.

— Премию получил?

— Получил.

— Молодец. Папа бы гордился.

Артём посмотрел в тарелку. Мама произнесла «папа» — и в воздухе на секунду что-то сместилось. Она редко его упоминала. С тех пор как отца не стало — десять лет назад, тоже в ноябре, кстати, — она про него говорила в каких-то особых случаях, когда хотела что-то подчеркнуть. И всегда это «папа» звучало одновременно как благословение и как боль.

— Спасибо, мам, — сказал он.

Она села напротив. Налила себе чаю. Взяла маленький кусочек пирога — она почти не ела сладкого, просто из вежливости, чтобы он не ел один.

Они помолчали. На кухне работало радио — тихо, на каком-то ретро-канале пела Анна Герман. Это была одна из мелочей, которые Артём знал про маму всю жизнь: она всегда слушала радио на кухне, очень тихо, чтобы было не слышно слов, а только мелодию. Она говорила, что от тишины ей становится не по себе.

— Ма, — сказал Артём.

— Да, сын?

— Я хочу тебя кое о чём спросить.

— Спрашивай.

Он подумал секунду. Не знал, как сформулировать. Пришёл задать вопрос, которого сам не знал, а сидел и смотрел в свою кружку.

— Ма, — сказал он наконец. — Ты когда-нибудь жалела,

что папа в своё время не сделал чего-то?

Валентина Васильевна замерла. Подняла глаза. Посмотрела на сына долгим, внимательным взглядом — тем самым, маминым, который читает человека насквозь и не показывает виду.

— Что значит «не сделал», Тёма? — спросила она. Очень тихо.

— Ну. — Он искал слова. — Папа же хотел открыть своё дело. Он мне рассказывал, в Пскове ещё. Когда я в школе был. Что у него были идеи. Что он думал — после завода уйдёт в своё. И не ушёл.

— Ушёл, сын.

— Что?

— Ушёл. Только не туда, куда хотел.

Она замолчала. Сделала глоток чая. Поставила кружку. Положила руки на стол.

— Тёма, — сказала она. — Ты приехал что-то сказать?

— Я приехал привезти тебе пирог.

— Тёма.

— Ма.

Они посмотрели друг на друга. Мама улыбнулась — чуть, краем рта.

— Ну что ты, — сказала она. — Пей чай. Потом скажешь, когда сможешь.

И она встала и пошла резать второй кусок пирога — для себя, что было редкостью, — и Артём смотрел ей в спину

и думал, что мама всё знает. Про всё. Про его бессонницу, про его «Идеи», про вчерашний разговор с Денисом. Может быть, даже про пятьдесят тысяч в заднем кармане его брюк.

Матери всегда знают.

\* \* \*

Он ушёл от неё в три часа дня. На прощание она положила ему в пакет банку огурцов — солила сама, по бабушкиному рецепту, — и кулёк с конфетами «Мишка на Севере» для Кати.

— Тёма, — сказала она в дверях.

— Да, ма?

— Ты пришёл что-то решить, я не знаю что. Но ты решай. Ты уже большой мальчик, ты разберёшься. Я тебе только одно скажу. — Она положила ему ладонь на плечо. — Папа всю жизнь жалел, что не попробовал. Не то, что не получилось бы — а что не попробовал. Это самое плохое. Когда не пробуешь.

Артём кивнул. В горле у него встал комок, и он не смог ничего сказать.

— Иди, — сказала мама. — Кате привет.

Он спустился по лестнице, держа пакет с огурцами и конфетами. На улице было пасмурно, и снова начинал моросить дождь. Артём не стал спускаться в метро сразу — пошёл пешком по Седьмой линии в сторону Большого проспекта, мимо знакомых ему с детства домов, мимо доходных фасадов с лепниной, мимо арок-колодцев, в которых жила питер-

ская тень.

На углу Восьмой и Большого он остановился.

На той стороне, за перекрёстком, стоял бабушкин дом. Светло-жёлтый, с эркером на третьем этаже. На третьем этаже было её окно — крайнее справа, выходящее на Большой. Там сейчас горел свет. Кто-то жил там. Какие-то чужие люди.

Артём постоял минуту. Не подошёл ближе — никогда не подходил. Просто посмотрел снизу. Подумал, как мама, наверное, делает то же самое каждый раз, когда идёт мимо. И у неё это получается ещё больше, потому что она помнит больше, чем он.

Потом он развернулся и пошёл к метро.

\* \* \*

В понедельник в десять часов утра Артём постучал в дверь кабинета Игоря.

— Заходи, заходи, — крикнул Игорь изнутри.

Игорь сидел за столом, перед ним стоял капучино из той кофейни в холле, которая делала самый отвратительный капучино во всём бизнес-центре, но Игорь его всё равно пил по привычке. На стене за его спиной висел календарь «Сигма Телеком» с панорамой Невского.

— Садись. — Игорь показал на стул. — Кофе?

— Не надо.

— Не такой плохой, как ты думаешь.

— Игорь, я знаю, какой он. Я работаю здесь восемь лет.

Игорь засмеялся. Откинулся в кресле.

— Слушай, — сказал он. — Я тебе в пятницу обещал разговор. Вот разговор.

Артём кивнул.

— Уходит Самойлов. Ты слышал, наверное.

— Слышал слухи.

— Не слухи. В январе. По здоровью. Ему пятьдесят восемь, он устал. Хочет в Сочи к внукам.

— Понятно.

— Его место освобождается. Директор департамента абонентского обслуживания. Все три блока — и твой, и розница, и В2В. Это плюс примерно сорок процентов к тому, что ты сейчас. Плюс опционы, которые в этом году впервые дают директорам. Плюс машина с водителем — Самойловская «Камри» к тебе перейдёт. Плюс кабинет на двенадцатом, с видом на Неву, не на Заневский.

Артём смотрел на Игоря. Игорь говорил ровно, по-деловому, но в его голосе была одна интонация, которую Артём знал — Игорь предлагал то, чего сам хотел в его возрасте и чего не получил. И поэтому ему было важно, чтобы Артём согласился. Это было больше, чем работа. Это было что-то про то, что Игорь хотел увидеть себя в этом кресле через Артёма.

— Игорь, — сказал Артём.

— Что?

— Можно я подумаю?

Игорь замер. На полсекунды. Потом снова улыбнулся.

— Конечно, можно. — Он развёл руками. — Конечно, подумай. До какого срока?

— До пятницы.

— Хорошо. До пятницы. Ты, главное, понимай, что я тебе предлагаю. Это не премия, Артём. Это карьера.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Артём встал.

— Артём, — сказал Игорь, когда тот уже был у двери.

— Что?

— Я с тобой работаю восемь лет. Ты хороший мужик. Я тебе скажу как друг, не как начальник. Не упускай. Такие предложения два раза не приходят.

— Я понял.

— Хорошо.

Артём вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

\* \* \*

Вечером дома Катя сразу увидела, что что-то не так. Она встретила его в прихожей — стояла у вешалки, как будто ждала. Смотрела ему в лицо.

— Что? — спросила она.

— Игорь предложил повышение.

Катя задержала дыхание.

— Какое?

— Директор департамента. Самойлов уходит.

— Ой, Тёма. — Она шагнула к нему, обняла. — Ой, Тёмочка, это же... это же огромное!

— Да.

Она отстранилась, посмотрела на него.

— Ты согласился?

— Я взял время до пятницы.

— Зачем тебе время? Это же...

— Кать, я хочу подумать.

— О чём?

Он молчал. Долго. Слишком долго. Катя смотрела на него, и её лицо постепенно менялось — от радости через недоумение к чему-то холодному и испуганному.

— Тёма, — сказала она. — Что ты хочешь подумать?

— Кать, дай мне пару дней.

— Тёма.

— Я тебя прошу.

Она отвернулась. Ушла на кухню. Там было слышно, как она поставила чайник, и как чайник зашумел, и как она стояла у плиты, и Артём знал, что она стоит и не двигается.

Он постоял в прихожей секунду. Потом пошёл на кухню за ней.

Она не обернулась.

— Кать.

— Не надо, — сказала она. Тихо. — Не надо сейчас. Я не хочу. Потом.

Артём остановился в дверях. Смотрел ей в спину. На спи-

не у неё, под халатом, были видны лопатки — острые, как в юности, ещё до всего. Она была худенькая всю жизнь, и беременность это не изменила — изменила только живот.

— Хорошо, — сказал он.

Он ушёл в кабинет. Сел за стол. Открыл ноутбук.

Открыл бота.

*«У меня сегодня предложили повышение,»* — написал он.

— *«Большое. Если соглашусь — закрывается проект. Если откажусь — закрывается зарплата.»*

Бот подумал.

*«Ты уже знаешь, что выберешь,»* — написал он. — *«Иначе не сидел бы сейчас тут со мной. Сидел бы с женой и обсуждал переезд в кабинет с видом на Неву. Что тебе нужно — не совет, а разрешение?»*

Артём долго смотрел на эти слова.

Потом написал:

*«Да.»*

Бот:

*«Я не могу тебе его дать. Это дашь себе только ты сам.»*

Артём закрыл ноутбук. Откинулся в кресле. Посмотрел на солдатику на полке.

В кухне было тихо. Чайник давно отключился, и Катя стояла там, и не возвращалась.

Артём встал и пошёл к ней.

# Глава 5

## Неделя

В понедельник вечером он всё-таки поговорил с Катей.

Не так, как должен был — не объяснил, не открылся, не рассказал про Дениса и про пятьдесят тысяч в кармане брюк. Просто пришёл к ней на кухню, обнял её сзади и сказал:

— Кать, прости. Я устал. Дай мне до пятницы. В пятницу я тебе всё скажу.

Катя стояла у плиты, лицом к окну. Не повернулась.

— Хорошо, — сказала она.

Это «хорошо» было таким же, как у мамы в воскресенье на Ваське, — тем самым «хорошо», которое означает: *я тебя понимаю, я тебя люблю, и я не давлю, но я знаю, что ты делаешь.*

Они поужинали тихо. Обсудили, что Кате надо будет к врачу в среду на плановый осмотр. Обсудили, что её мама звонила и приглашает в субботу на пироги. Обсудили, что в холодильнике закончилось молоко. Это были разговоры людей, которые любят друг друга, но между ними сейчас стоит большая, не названная вещь, и они оба её не трогают, потому что трогать страшно.

В кровати она повернулась к нему спиной. Не зло. Про-

сто — повернулась. Артём долго лежал и смотрел в потолок. Потом тихо положил ладонь ей на плечо, через тонкую ткань ночнушки. Она не сбросила, но и не накрыла его руку своей, как раньше. Просто продолжала ровно дышать.

Он понял, что она не спит. И что она тоже знает, что он не спит. И что они оба сейчас лежат в темноте и думают про одно и то же, и что между ними — двадцать сантиметров и целый мир.

\* \* \*

Во вторник он пошёл на работу.

В лифте бизнес-центра встретил Самойлова — того самого, чьё кресло ему предлагали. Самойлову было пятьдесят восемь, и он действительно выглядел уставшим — серый, в чуть сидящем не по фигуре пиджаке. Они кивнули друг другу. Самойлов вышел на одиннадцатом, Артём поехал выше.

— Артём Сергеич, доброе утро! — Лариса подняла голову от монитора. — Кофе?

— Давай.

Лариса работала в «Сигме» секретарём абонентского блока пятнадцать лет. Высокая, с густыми тёмными волосами, всегда в строгих блузках, всегда с одной и той же улыбкой — короткой, профессиональной, не пускающей ближе, чем надо. Артём знал про неё немного: муж, двое детей, дача в Лемболово, любит вышивать крестиком — у неё на тумбочке всегда лежал какой-то начатый сюжет, который она доставала в обед.

Она принесла кофе. Поставила перед ним. Капучино из той самой кофейни. Артём посмотрел на пенку.

— Лариса, — сказал он.

— Да, Артём Сергеич?

— Я хотел сказать. Спасибо.

Она замерла на секунду. Подняла на него глаза.

— За что, Артём Сергеич?

— За кофе. За пятнадцать лет.

Она засмеялась — той своей короткой, профессиональной смешинкой.

— Это вы что, увольняетесь?

Это была шутка. Но Артём почувствовал, как у него на лице задержалась пауза дольше, чем должна. И она это увидела.

— Артём Сергеич, — сказала Лариса очень тихо.

— Ничего, Лариса. Я просто вдруг подумал, что я тебе пятнадцать лет «спасибо» забывал говорить.

— Хорошо, Артём Сергеич, — сказала она. И ушла к своему столу, и больше в его сторону не смотрела всё утро. И Артём понимал, что она поняла. Что-то поняла.

\* \* \*

Совещание во вторник в одиннадцать было про новый тариф. Сидели восемь человек вокруг длинного стола: Артём, два его руководителя направлений, маркетинг, юристы, продукт, финансы. На стене — презентация на двадцать четыре слайда. На тринадцатом — расчёт окупаемости.

Артём сидел во главе стола. Ему задавали вопросы. Он отвечал, и отвечал хорошо — он знал свой блок наизусть, мог обосновать любую цифру, мог защитить любой тариф. Но всё это происходило как будто не с ним. Как будто он смотрел на это совещание из соседней комнаты, через стекло. Видел свои губы, шевелящиеся правильные слова, видел кивки коллег, видел, как маркетинг записывает что-то в блокноте, но сам — он уже не был в этой комнате. Он был где-то впереди, где-то в другой, ещё не существующей жизни, в которой не было ни этого тарифа, ни этого стола, ни этой презентации.

После совещания подошёл Юра, его руководитель розницы. Хороший парень, тридцать два года, подающий надежды.

— Артём, ты как? — спросил Юра. — Ты сегодня странный.

— Нормально. Не выспался.

— Понял.

Юра отошёл. Артём подумал — *сколько ещё людей сегодня заметят, что я странный?*

\* \* \*

Среда была день Кати.

В одиннадцать у неё была плановая консультация в перинатальном центре на Выборгской. Они договорились, что Артём подъедет к началу из офиса — хотя обычно с такими визитами Катя справлялась одна, и ему даже не предлагала. В этот раз — попросила: «Можешь?». И он сказал: «Конеч-

но».

Они встретились у входа в центр. Катя пришла раньше и стояла, сунув руки в карманы пальто. Шапка съехала, волосы выбивались из-под неё. Артём подошёл, поправил ей шапку — не нарочно, привычным жестом. Она поймала его руку и держала её несколько секунд.

— Спасибо, что приехал, — сказала она.

— Конечно.

Они зашли. В приёмной пахло какой-то стерильной свежестью — не больничной, а особой, перинатальной. Сидели женщины с животами разных размеров. Кто-то говорил по телефону шёпотом. На стене висел плакат «Контакт кожа к коже» с иллюстрацией — обнажённый младенец на маминой груди.

К врачу зашли вместе. Врач, женщина лет пятидесяти, в очках с тонкой золотой оправой, улыбнулась им обоим:

— Так, Екатерина. Как самочувствие?

УЗИ Катя делала, а Артём сидел рядом на стуле и смотрел на экран. Он видел этот экран не первый раз — в двенадцать недель и в двадцать тоже видел. Но в этот раз было по-другому. Может, потому что мальчик уже был большой, узнаваемый — с маленькой ножкой, согнутой, и пальчиками, и носом, который явно был его, отцовский, ну или дедов. Или потому что что-то в самом Артёме сместилось.

— Это его рука, — сказала врач, показывая. — А вот лицо. Видите, как он повернулся?

Артём кивнул.

В мониторе мальчик повернулся ещё раз. Артёму на секунду показалось — не глазами, не разумом, а где-то под сердцем, — что мальчик его видит. Что мальчик там, внутри, через стенку живота, через экран, через всё это, видит отца и думает: *вот он какой. Вот он. Тот, у которого я буду сын.*

Артём отвернулся к окну. За окном был зимний больничный двор — голые деревья, редкие машины, человек в белом халате курил на крыльце.

*Я не имею права не сделать это, — подумал Артём. Не имею права. Чтобы он, когда вырастет, мог сказать про меня то, что я не могу сказать про папу. Что папа попробовал.*

— Тёма? — Катя смотрела на него с кушетки. — Ты в порядке?

— В порядке. — Он повернулся к ней, улыбнулся. — Просто... он красивый.

Катя засмеялась тихо.

— Он красивый, — сказала она. — Да.

\* \* \*

В среду вечером Артём позвонил маме.

— Ма.

— Сын.

— Можно я в субботу к тебе ещё заеду?

Пауза.

— Конечно. — Голос у мамы стал внимательный. — Слу-

чилось что?

— Не случилось. Просто хочу.

— Катя с собой возьмёшь?

— Нет, ма. Я один.

Снова пауза. На той стороне Валентина Васильевна молчала так, как умеют молчать только матери — это молчание было полным, в нём слышалось, как она думает, как слышит сына, как принимает решение не спрашивать.

— Хорошо, — сказала она. — Я борщ сварю.

— Спасибо, ма.

Он положил трубку и подумал: *Я вру самому себе. Я еду к ней не «просто». Я еду к ней, потому что в субботу я уже буду без работы. И мне нужно будет где-то в этот день побыть рядом с ней. С человеком, перед которым я маленький.*

\* \* \*

В четверг днём в офисе была встреча с подрядчиком. Контракт на CRM-систему, пятьдесят миллионов рублей в год. Подрядчика звали Олег, он работал в IT-компании, с которой «Сигма» дружила лет десять. Они с Артёмом знали друг друга по работе, иногда выпивали вместе после переговоров.

После встречи Олег задержался.

— Слушай, — сказал он. — У меня к тебе вопрос. Не по работе.

— Давай.

— У тебя в команде есть кто-нибудь сильный по работе с языковыми моделями? Мы в X5 проект делаем, нам нужен

внешний эксперт, у нас своих не хватает.

Артём посмотрел на Олега. Олег смотрел спокойно — это был обычный рабочий вопрос, который мог задать кто угодно кому угодно. Но у Артёма что-то ёкнуло. Это был знак. Один из тех маленьких знаков, которые посылает мир человеку, уже принявшему решение, как будто говоря: *смотри, дороги открываются.*

— Олег, — сказал Артём. — Дай мне твой контакт. Я тебе на следующей неделе наберу. Не от лица «Сигмы».

Олег прищурился. Понял. Кивнул.

— Понял, Артём. Жду.

Они попрощались. Артём вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Подумал — может быть, это его будущее. Может быть, через три месяца его проект «Мнемо» уже будет не «прототип в телеграме», а что-то, у чего есть первый клиент.

Он открыл бота на телефоне.

*«Олег спрашивает про эксперта по LLM. У меня есть прототип. Я ещё не уволен. Что делать?»*

Бот:

*«Ничего. Подожди до пятницы. Брать заказ ещё нанятым в „Сигме“ — это начинать новую жизнь со старого греха. У тебя будет много возможностей пожалеть позже. Не дари себе ещё одну заранее.»*

Артём улыбнулся и закрыл телефон.

\* \* \*

В четверг вечером дома он наконец услышал вещь, которую не ожидал.

Они с Катей готовили ужин. Катя — салат, Артём — отварную картошку. Тишина была обычной, рабочей — не той напряжённой, как в понедельник.

— Тём, — сказала Катя.

— Да?

— Завтра ты идёшь к Игорю.

— Да.

Она резала помидоры. Не повернулась.

— Я тебя люблю, — сказала она. — Чтобы ты понимал. Я тебя люблю, и я с тобой, что бы ты ни решил. Я с понедельника об этом думала. Я хотела, чтобы ты знал. Перед тем как.

Артём перестал чистить картошку. Положил нож на доску.

— Кать.

— Я не закончила. — Она наконец посмотрела на него. Глаза у неё были ясные, спокойные, и в них стояли слёзы, которые она держала и которые не собирались скатываться. — Я не закончила. Я тебя люблю, и я с тобой. Но я тоже человек. И я тебе сейчас скажу одну вещь, которую ты, может быть, не захочешь услышать. Если у нас не получится, я не буду делать вид, что я не предупреждала. Я буду злиться. Может быть, очень долго. Может быть, всегда. Я говорю тебе это сейчас, потому что я честная, и потому что я хочу, чтобы ты решал не из иллюзии, что я ангел. Я не ангел.

Она замолчала. Слезы наконец потекли — две, одна за другой, по обеим щекам.

— Я ангел только наполовину, — сказала она. — Имей это в виду.

Артём подошёл к ней, обнял. Долго стоял с ней молча, прижавшись щекой к её волосам. Она вытерла лицо его рукавом — машинальным жестом, как ребёнок.

— Кать, — сказал он. — Я тебя понимаю.

— Хорошо.

— И я тебя за это ещё больше люблю.

— Это лишнее, — пробормотала она в его свитер. — Можно было обойтись.

Он засмеялся. Тихо.

\* \* \*

В пятницу утром он пришёл в офис в восемь — раньше всех. Прошёл по тихому коридору в свой кабинет, включил свет, сел за стол. Огляделся.

Книги по маркетингу на полке. Подаренная коллегами на сорокалетие ручка «Паркер», которой он почти не писал, потому что предпочитал свою «Уни-болл». Фотография Кати в рамке — позапрошлого дня, с моря, она в шляпе с широкими полями. Какой-то план на стене, который он повесил пять лет назад и больше не смотрел. Сертификат повышения квалификации в рамке.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на Заневский. Билборд с «Сигмой» на той стороне — *связь, которой доверяют*

*пятнадцать миллионов.* Зажёгся, погас, зажёгся.

Он постоял минуту.

Потом сел за стол, открыл ноутбук и в Word написал заявление. По образцу. По собственному желанию. С 1 декабря — это было через две недели, по закону полагалось отрабатывать.

Распечатал. Подписал.

В девять сорок пять постучал в дверь Игоря.

— Заходи.

Игорь сидел за тем же столом, перед тем же отвратительным капучино.

— А, Артём. Готов?

— Готов.

— Садись.

Артём не сел. Положил заявление на стол перед Игорем.

Игорь посмотрел на бумагу. Не сразу взял. Несколько секунд просто смотрел. Потом поднял глаза на Артёма.

— Это что?

— Это заявление, Игорь.

— Какое?

— По собственному.

Игорь откинулся в кресле. Лицо у него за секунду стало другое — то деловое, чуть ироничное лицо, которое он носил, ушло, и появилось другое, какое Артём за восемь лет видел дважды: лицо Игоря-без-маски. Уставшего, обиженного, но прежде всего — удивлённого по-настоящему.

— Артём, — сказал он. — Я тебе предложил директорство.

— Я знаю.

— Сорок процентов плюс. Опционы. Машина с водителем.

— Я знаю.

— Ты в своём уме, что ли?

— Возможно, нет, Игорь.

— Куда ты идёшь? К конкурентам? В Билайн? В МТС?

— Никуда не иду. Я ухожу.

Игорь долго смотрел на него.

— У тебя, — сказал он наконец. — Что-то случилось?

— Нет. Ничего не случилось.

— Жена не против?

— Жена со мной.

— Беременная.

— Беременная.

Игорь покачал головой. Взял заявление в руки. Прочитал. Положил обратно.

— Артём, — сказал он. — Я тебя восемь лет знаю. Я тебя считал умным мужиком.

— Я надеюсь, ты и сейчас будешь.

— Это сейчас не умно.

— Может быть.

Они помолчали. Игорь крутил в руках ручку — золотистую, дорогую, рекламную с какой-то конференции.

— Слушай, — сказал он. — Подумай ещё. До понедельника. Я заявление пока не подпишу.

— Игорь.

— Подумай, я тебе сказал.

— Я думал четыре дня.

— Подумай ещё три.

Артём посмотрел на Игоря. Игорь не злился. Игорь был расстроен. И в этом было что-то, что Артёму было — неожиданно — больно. Восемь лет рядом. Восемь лет совместных совещаний, корпоративов, переговоров, общих побед и общих проколов. И вот этот человек смотрит на него сейчас и не понимает, что Артём делает.

— Хорошо, — сказал Артём. — До понедельника.

— Договорились.

Артём вышел. Игорь остался за столом, и заявление тоже осталось у него — он его так и не вернул.

\* \* \*

День прошёл как в тумане. Артём сделал несколько обычных дел — ответил на письма, провёл короткую встречу, подписал какой-то акт. Всё это казалось ему уже не своим. Он уже ушёл. Заявление лежало у Игоря, и было ясно, что в понедельник Артём его не заберёт. Игорь, наверное, тоже это знал.

В шесть вечера он начал собираться. Положил в сумку ноутбук — рабочий, его придётся сдать, но ещё не сейчас, ещё пока с собой. Несколько личных бумаг. Фотографию Кати с

моря. Подаренную «Паркер» — оставил, не унёс. Книги по маркетингу — оставил. Сертификат — оставил.

В восемнадцать сорок он вышел из кабинета.

— Лариса, я пошёл.

— Хороших выходных, Артём Сергеич.

— И тебе.

Она посмотрела на него внимательно. Видно было, что хочет что-то сказать, и не говорит.

— Лариса, — сказал он. — Если что — я с понедельника, может быть, не приду.

— Я поняла, Артём Сергеич.

— Спасибо.

— Это вам спасибо.

Он пошёл к лифту. На входе в зону лифтов обернулся. Лариса смотрела ему вслед.

\* \* \*

На улице был вечер пятницы, и Заневский был полон. Свет фар, рекламы, людей, идущих с работы. Артём стоял у вращающейся двери бизнес-центра и не торопился — никуда не торопился. В кармане лежал телефон, в телефоне — бот, в боте слова, которые он сейчас не хотел читать. Хотел просто постоять.

Он отошёл на несколько шагов от двери и встал у фонаря. Достал из кармана пачку сигарет — он редко курил, всё реже за последние годы, но сегодня хотелось. Закурил.

— Простите, — сказал женский голос за его спиной. —

Вы Артём?

Артём повернулся.

Перед ним стояла женщина. Высокая, в чёрном пальто, без шапки. Тёмные волосы коротко подстрижены, лежали ровно, как только что причёсанные, хотя на улице был ветер. На лице — никакой косметики, или такой, что её не видно. Возраст — может быть, около сорока. Она смотрела на него прямо, не улыбаясь. В правой руке держала тонкую кожаную папку.

— Да, — сказал Артём.

— Я Марина. Лаврова. Мне Денис вас описал.

— Какой Денис?

— Ваш Денис. Из «Пультовика». Мы знакомы по старым делам, я ему помогала с регистрацией одной из его компаний в две тысячи двадцать втором.

— А.

— Я могу занять несколько минут?

Артём посмотрел на свою сигарету. Она почти догорела. Он бросил её в урну.

— Можете.

— Денис мне сказал, что вы делаете ИИ-помощника, у которого память. И что вы только что уволились.

— Уволился сегодня.

— Тем лучше.

Она открыла папку, достала визитку. Простая, белая, без логотипа. Только имя — Марина Лаврова, и под ним —

«Партнёр, Norther Capital», и номер телефона.

Артём взял визитку. Бумага была плотная, дорогая.

— Артём, — сказала Марина. — Я не буду тратить ваше время в пятницу вечером. Вы только что вышли из тяжёлого разговора, и вам надо домой к жене. Это видно по лицу. Я скажу одно. Я инвестирую в раннюю стадию ИИ. Я работаю с пятью проектами. Мне нужен шестой. Мне Денис вас рекомендовал, и я Денису доверяю. Мы можем встретиться в понедельник или во вторник. Я ничего не обещаю — я никогда не обещаю до того, как увидела продукт. Но я хочу посмотреть.

Артём смотрел на неё. Она говорила быстро, ровно, без интонаций — не агрессивно, не вкрадчиво, а так, как говорят люди, для которых каждая минута стоит денег и которые научились укладывать смыслы в короткие фразы.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте во вторник.

— В одиннадцать утра, моё бюро. Адрес на визитке.

— Хорошо.

Она кивнула. Не протянула руку. Развернулась и пошла к чёрной машине, припаркованной в десяти метрах. Села, машина мягко тронулась.

Артём остался стоять.

Он посмотрел на визитку. «Norther Capital». Адрес — Большая Морская. Серьёзное место.

Он положил визитку во внутренний карман пиджака — туда же, где две недели лежали пятьдесят тысяч от Дениса.

Они теперь там были вместе.

Подошло такси, которое он вызвал. Водитель открыл стекло.

— Артём?

— Я.

Артём сел в такси. Машина тронулась.

За окном — ноябрьский Питер, мокрые огни, поздние прохожие. Артём смотрел в окно и думал — *вот и всё. Я ушёл.*

И ещё думал: *Денис, спасибо тебе. Снова. Уже не первый раз и не последний.*

Достал телефон. Открыл бота.

*«Я уволился. И только что у выхода ко мне подошла женщина из венчура. Она хочет посмотреть проект во вторник.»*

Бот:

*«Поздравляю с увольнением. И с встречей.»*

Артём:

*«Это страшно?»*

Бот:

*«Это нормально. И это важно отличать. Страх и нормальное волнение перед серьёзным шагом — разные вещи. Сейчас у тебя второе.»*

Артём:

*«Откуда ты знаешь?»*

Бот:

*«Потому что ты улыбаешься.»*

Артём посмотрел на своё отражение в стекле такси. Он улыбался.

Конец первого акта.

# Глава 6

## Большая Морская

В субботу утром Артём проснулся в семь и сразу понял, что больше не уснёт.

Катя спала рядом, лицом к нему, открыто и спокойно. Её рука лежала на животе — даже во сне она его держала. На её щеке отпечаталась складка от подушки. Артём смотрел на неё минуту, потом тихо встал и вышел из спальни.

На кухне он сварил кофе. Открыл шторы. За окном серый зимний рассвет, редкие машины на улице, уборщик с метлой возле подъезда. Всё было как всегда. Но это «как всегда» уже было не его. Где-то на одиннадцатом этаже бизнес-центра на Заневском лежало на столе у Игоря его заявление, и эта бумажка теперь работала за него — отделяла Артёма от его старой жизни тонким слоем чернил.

Он позвонил маме в десять.

— Ма, я к двенадцати буду.

— Жду тебя, сын. Борщ доварится к этому времени.

\* \* \*

Мама встретила его в халате, без передника. Это было в первый раз за много месяцев — обычно она ждала его в фартуке, как будто не успевала переодеться. В этот раз — успе-

ла. На столе лежала скатерть, не клеёнка. И стояли тарелки, не миски. И посередине — большая хлебница с нарезанным чёрным хлебом, накрытая полотенцем, чтобы не подсыхал.

— Ма, что за стол?

— Что значит «что за стол». Сын приехал. Сын приехал в субботу вне очереди, без жены, по делу. — Она поцеловала его в щёку. — Стол.

Он засмеялся.

Они сели. Мама налила ему борща в большую тарелку. Положила сметану. Подвинула хлеб. Сама ела мало, как всегда, — ложку зачерпывала и долго держала над тарелкой.

— Я уволился вчера, ма, — сказал Артём.

Ложка у мамы остановилась. Не выронила, не дрогнула — просто остановилась.

— Заявление подписал?

— Подписал. Игорь не хотел, оставил у себя до понедельника. Думает, заберу. Не заберу.

— Хорошо.

Артём посмотрел на маму. Она ела борщ, очень аккуратно, как ела всегда — не наклоняясь к тарелке, поднося ложку к губам без капель.

— Ма, — сказал он. — И всё? «Хорошо»?

— А что я должна сказать?

— Не знаю. Что-то.

Валентина Васильевна положила ложку. Посмотрела на сына долгим, спокойным взглядом.

— Тёма, — сказала она. — Я тебя сорок лет жду, чтобы ты перестал делать то, чего тебе не хочется. С первого класса. Когда тебя в музыкалку заставляли ходить, а ты не хотел. Когда ты на филфак поступал, а сам инженером хотел быть. Когда ты в «Сигму» эту устраивался, тоже не от великой любви, а потому что зарплата. Я просто молчала, потому что не моё это дело, муж сам решает. Папа всё ждал, когда ты сам решишь. Не дождался.

Она сделала паузу. Артём смотрел в свою тарелку.

— Я тоже думала, что не дождусь, — сказала мама. — Но дождалась. Спасибо.

— За что мне спасибо, ма?

— За то, что ты не дал мне умереть прежде, чем я это увидела. Мне семьдесят два года, Тёмочка. Я не вечная.

— Ма, ну...

— Тёма. Я не жалею. Я говорю как есть. Ты понимаешь, что у меня сегодня хороший день.

Артём накрыл её руку своей. Она была тёплая, в коричневых пятнышках, очень тонкая.

— Деньги тебе нужны? — спросила мама.

— Нет, ма. Пока есть.

— Если будут нужны — у меня сорок тысяч на книжке. Это не много, но если впрытык — заберёшь.

— Ма.

— Я говорю.

— Никогда.

— Поговорим, когда дойдёт.

Они ели борщ молча. Радио на кухне — тихо, как всегда — играло что-то старое, без слов, фортепианное. Артём подумал, что хочет сидеть здесь долго. Час, два. Не есть, не разговаривать, просто сидеть. Так бывает только у мам. Это место, где не происходит ничего, и потому туда хочется спрятаться, когда снаружи начинает происходить слишком много.

Он сидел до двух. Потом мама посмотрела на часы и сказала: «Иди, Тёма. Катя ждёт.» Это был сигнал — она устала и не показывает.

На пороге он её обнял. Долго. Она не торопила.

— Ма.

— Что?

— Во вторник у меня встреча с инвестором.

— Господи. Уже?

— Да.

— Помоги тебе. — Она перекрестила его коротко, у груди, она это делала редко, только в особые моменты. — И себя береги. Ты не для них, ты для меня и для своего сына. Это первое. Помни.

— Помню, ма.

Он вышел на лестницу. Закрыл дверь. Постоял на площадке секунду. Потом стал спускаться.

\* \* \*

Понедельник Артём провёл в формальных отработках.

Пришёл в офис, сидел за компьютером, передавал дела Юре — тому самому, который во вторник сказал, что Артём «странный». Юра был серьёзный, кивал, записывал. Не задавал лишних вопросов. Между ними было то взаимное уважение, которое есть у хороших коллег и которое не требует слов.

На обед Артём вышел в кафе на первом этаже бизнес-центра. Заказал суп. Сидел один. Смотрел в окно на Заневский. Между прохожих узнал женщину, которая ему когда-то приносила цветы на корпоратив — она тогда была эйчаром «Сигмы», теперь работала где-то в другом месте. Она прошла мимо, не заметив его. Он подумал — *вот так и я скоро. Хожу по этому Заневскому, не заходя в этот бизнес-центр. И никто меня не помнит, и я никого.*

Вечером Игорь зашёл к нему в кабинет.

— Артём.

— Да?

Игорь стоял в дверях. В руке держал заявление — то самое, пятничное.

— Решил?

— Решил.

Игорь посмотрел на бумагу. Потом на Артёма. Потом подписал — прямо стоя, на коленке, прислонив бумагу к косяку.

— Уважаю, — сказал он. — Хотя считаю дураком.

— Спасибо, Игорь.

— Если что — звони. Серьёзно. Не обижусь.

— Хорошо.

Игорь вышел.

Артём остался один. Открыл ящик стола, достал из него мелочь — какую-то старую флешку, две связки скрепок, диктофон, который ему когда-то подарили на день рождения. Положил в портфель.

Закрыв ящик.

Открыл бота.

«Подписано», — написал он.

Бот ответил быстро:

«Поздравляю. Завтра — Большая Морская. Готов?»

«Не знаю.»

«Это правильный ответ. Не заходи туда уверенным. Заходи внимательным.»

\* \* \*

Во вторник в одиннадцать утра Артём стоял на углу Большой Морской и Гороховой.

Ноябрьский мокрый Питер, серое небо, редкие снежинки, которые начинались и тут же кончались. Он пришёл за двадцать минут — давно научился: на важные встречи приходиться с запасом, найти место, выпить кофе, успокоиться. Зашёл в кофейню напротив. Заказал американо, сел у окна. Через стекло смотрел на дом, в котором располагался Northern Capital.

Дом был старый, доходный, начала двадцатого века. Светло-жёлтый фасад, лепнина, эркеры. Серьёзный адрес, серьёз-

ный дом. На третьем этаже — высокие окна с бронзовыми рамами. Артём попытался угадать, какие из этих окон её. Не угадал — все одинаково загадочные.

Он подумал — что я хочу от этой встречи?

Внутри возникло ощущение, которое его удивило: он не хотел денег. В смысле — он не приходил просить. Он приходил **показать**. Не просящим, а имеющим, что показать. Это было странное ощущение — он его не помнил с университета, когда подавал курсовую на проверку и ждал не оценки, а обратной связи. *Вот что я думаю. Что вы об этом думаете?*

Он допил кофе и пошёл через дорогу.

В подъезде была охрана. Артёма пустили по списку — Лаврова заранее предупредила. Лифт — старинный, с ажурной решёткой. Артём поднялся на третий этаж. На лестничной площадке — небольшая золотая табличка «Northern Capital, кабинет 12».

Он позвонил.

Дверь открыла молодая женщина — высокая, рыжая, в строгой блузке и брюках. Назвалась Алиной. Сказала: «Марина Ярославовна вас ждёт». Провела по коридору — паркет под ногами, белые двери, на стенах несколько фотографий. Артём успел заметить, что на одной из фотографий — Марина пожимает руку какому-то крупному мужчине, узнаваемому, кажется, кто-то из питерских девелоперов. На другой — Марина с группой людей в каком-то павильоне, видимо,

питч-сессия.

Кабинет Марины был большой и светлый. Окно во всю стену, выходящее на Гороховую. У окна — длинный белый стол, абсолютно пустой, если не считать ноутбука и одного блокнота. На стене — картина, маленькая, абстрактная, что-то синее с белым. Других украшений не было. Никаких книг, никаких сувениров, никаких фотографий семьи. Стерильный кабинет человека, который не путает рабочее с личным.

Марина сидела за столом. Сегодня она была в светло-сером костюме — пиджак и брюки, белая блузка под низ. Те же чёрные коротко стриженные волосы. Те же тёмные глаза.

— Здравствуйте, Артём. Садитесь.

Артём сел напротив. Алина закрыла за ним дверь. Они остались одни.

— Кофе? — спросила Марина.

— Я уже выпил перед встречей, спасибо.

— Хороший ответ. Не в Норзере, через дорогу?

— В нём.

— Правильно. У нас плохой кофе.

Она открыла блокнот. Чёрный, кожаный, с резинкой. Внутри — записи от руки, мелким аккуратным почерком.

— Артём, — сказала она. — Я три минуты буду говорить, потом вы. Хорошо?

— Хорошо.

— Я работаю в венчуре одиннадцать лет. До этого десять лет в юриспруденции. У меня в фонде сейчас деньги двух

питерских предпринимателей, имена я вам не назову. Сумма фонда — четыреста миллионов рублей. Это маленький фонд по российским меркам. Но это **настоящие деньги**, не государственные, не грантовые, не венчурные с эффектом «дают и забывают». Эти деньги хотят возврата. Я инвестировала из этого фонда в пять проектов за последние два года. Один умер, два живут на грани, два растут. Из двух растущих — один может вырасти в большую компанию.

— И вам нужен ещё один.

— Мне нужен ещё один. Желательно — такой, который вырастет в большую компанию. Идеально — такой, который вырастет в **очень** большую компанию. Это не моя личная амбиция. Это арифметика. Маленький фонд оправдывается одним сильным выходом, который покрывает все остальные. Без такого выхода я через два года буду закрывать свой фонд и возвращаться в юриспруденцию. Этого я делать не хочу.

— Понятно.

— Артём, я говорю это вам не для драмы. Я говорю это, чтобы вы понимали: я **не подарок судьбы**. Я работаю на свой результат. Если ваш проект не будет в моих глазах кандидатом на сильный выход — я не дам денег. Если даст — я буду очень требовательной. Я не буду вас гладить по голове. Если у вас в голове картина «инвестор — это добрая фея» — измените картину прямо сейчас, иначе нам не о чем говорить.

Артём кивнул.

— Я не думал про вас как про фею, Марина.

— Хорошо.

— Я думал про вас как про человека, который вчера за неделю собрал на меня досье. — Артём впервые за встречу позволил себе очень лёгкую улыбку. — Это не похоже на работу феи.

Она посмотрела на него секунду. Потом тоже улыбнулась — той же короткой, мелькнувшей улыбкой, как в пятницу.

— Хорошо, — сказала она. — Покажите.

Артём достал ноутбук. Поставил на стол перед ней. Открыл прототип.

— Я начну с одного экрана, — сказал он. — Можно?

— Можно.

— Вот это диалог с моим ботом. Я вёл его последние две недели. Я сейчас покажу вам один обмен, который для меня важен.

Он прокрутил вверх. Показал тот разговор из пятничного такси — где бот сказал: *«Потому что ты улыбаешься»*.

Марина прочитала. Молча. Не комментировала.

— Я объясню, что в этом, — сказал Артём. — Большинство ИИ-помощников делают одно из двух. Они либо отвечают на вопрос — это поисковики и Q&A-боты. Либо отыгрывают роль — это «коучи», «ассистенты», «персоны». То, что я хочу делать, — это третье. Память. ИИ, который не отвечает на вопросы и не отыгрывает роли, а **помнит человека**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.